

Глава 1

Джейн Хирон сделала несколько плавных грациозных шагов, повернулась и медленно обошла круг смотревших на нее женщин. Шел модный показ Клариссы Харлоу, и Джейн демонстрировала платье под названием «Больше Не Вздыхай». Выше талии в нем не было ничего особенного, лишь несколько переливчато-опаловых складок, зато юбка смотрелась исключительно из-за нового и необычного покроя. Она была сшита из невероятного количества ткани и подчеркивала стройность в талии, но во время танца все эти складки взлетали и кружились, словно веер из водяных брызг. Непринужденным движением Джейн подняла руки вверх и сделала несколько плавных па вальса. Юбка взлетела. Сидевшая неподалеку дама ахнула. Другая сказала:

— Божественно! Но нет, я не должна, не должна.

Миссис Левингтон обратилась к миссис Харлоу через всю комнату громким хриловатым голосом:

— Я беру это платье, но вы не должны продавать никому его копию в течение трех месяцев.

Затем она кивком подозвала к себе Джейн:

— Подойдите, я хочу посмотреть, как оно застегивается.

6 Джейн подошла с любезным и послушным видом, который составлял часть ее работы. Про себя она подумала, что платью будет узко миссис Левингтон как минимум на четыре дюйма. Она не была толстой, но обладала плотным телосложением с широкими плечами и массивными бедрами. По-своему красивая и статная — для любителей такого типа фигуры. Джейн к ним не относилась.

Ее не касалось, кто покупает платья Клариссы Харлоу, которые всегда будут недоступны для нее самой. Она демонстрировала их потому, что благодаря ее прекрасной фигуре цена на них поднималась как минимум на четверть.

К ним с деловым видом подошла миссис Харлоу — проворная и элегантно одетая.

— Прекрасно, миссис Левингтон. Вы можете прийти на примерку завтра в десять тридцать. Нет, боюсь, другого времени я предложить не могу — у нас все расписано.

Безразличие, граничащее с грубостью, было ее характерной чертой; она словно говорила: «Хотите — берите, а не хотите — как хотите; у нас есть клиентки и получше». Поразительно, как клиентки это проглатывали; проглотила и миссис Левингтон — она кротко согласилась прийти в назначенное время. Джейн отпустили.

В раздевалке было полно девушек, повсюду лежала и висела одежда. Когда Джейн вошла, одна из девушек как раз выходила — красивая блондинка в тонком черном дневном платье, невероятно изысканном благодаря покрою и искусной драпировке юбки. Джейн сняла с себя «Больше Не Вздыхай» и аккуратно повесила его на вешалку. Ей ка-

залось, что ни в какой другой одежде она не будет больше так хорошо выглядеть. Красивой у нее была лишь фигура, а лицо было слишком маленькое и бесцветное. Глядя на себя в зеркало, она видела милые серые глаза и густые темные волосы — вот, пожалуй, и все, что можно было сказать о Джейн Хирон, помимо фигуры. Фигура же была безупречна, стройная без излишней худобы и пропорциональная. Джейн высоко ее ценила, и вполне справедливо, ведь эта фигура обеспечивала ей крышу над головой и средства к существованию. Кроме того, фигура была послушная, не из тех, с которыми нужно носить. Джейн знала, что некоторые девушки ежедневно со страхом измеряют объем бедер и даже не глядят на картошку и сливочное масло. С ее фигурой о такой ерунде можно было не думать. Даже если бы она целый год ела шоколад и пудинги на сале, не поправилась бы ни на грамм. Кстати, на прошлой неделе Джереми подарил ей коробку шоколадных конфет.

Повесив платье, Джейн стала одеваться. Показ почти закончился, так что ей больше не придется выходить на подиум. Она надела темную юбку, натянула свитер и накинула пальто. Все вокруг одевались одновременно, так что ей пришлось поочередно стоять на одной ноге, чтобы сменить туфли для подиума на свои, темные. Остальные девушки тоже переодевались и при этом болтали без умолку.

Ей удалось на минутку протиснуться к зеркалу, где она надела маленькую темную шляпку-тюрбан в тон остальной ее одежде, и вот она готова — Золушка после того, как часы пробили полночь, с неприметными чертами, бледная, если не считать яр-

8 кой помады. Помада была даже слишком яркая, но для показов приходилось краситься более броско. Джереми всегда смотрел на это косо и говорил, что цвет помады напоминает ему цвет почтовых ящиков. Ну и пусть, ей было все равно.

Джейн вышла на улицу, где стоял ледяной холод. Похоже, намечался сильный мороз. Она попрощалась с Глорией и Дафной и направилась в конец улицы. Иногда Джереми встречал ее там, но не сегодня, потому что неизвестно было, во сколько закончится показ.

Она повернула за угол, и вдруг в одном из дверных проемов замаячила его фигура. Она была рада увидеть его как раз в тот момент, когда она чувствовала себя покинувшей бал Золушкой. Он взял ее под руку.

— Не стоило тебе приходить.

Джереми Тэвернер ответил:

— Не говори ерунды. Как прошел показ?

— Проданы две вещи из тех, что я демонстрировала, так что мои акции растут.

— Все те же ужасные женщины?

— Не все они ужасные.

— Не знаю, как ты это терпишь.

— Ну, полагаю, любая другая работа, которую я могла бы выполнять, нравилась бы мне гораздо меньше.

— Например?

— Продавщица, няня, компаньонка...

— Есть много других профессий для женщин.

— Дорогой, у меня нет для них образования.

— Не называй меня «дорогой»! — недовольно пробурчал Джереми.

— Я так сказала?

— Да. Мне это не нравится.

Она весело рассмеялась.

— Это же ничего не значит, люди всегда так говорят. Просто вырвалось.

— Именно поэтому! — рассердился он еще больше и довольно болезненно сжал ее руку.

— Дорогой, ты слишком крепко держишь меня под руку, — поморщилась Джейн и добавила другим голосом: — не будь гадким занудой; я хочу поговорить с тобой — правда хочу.

Хотя гадким занудой его назвали тоном, сделавшим этот эпитет интимным и лестным, Джереми все еще злился.

— Не понимаю, почему тебя ничему не учили. Девочек ведь должны чему-то учить.

— Да, дорогой, но не меня. Моя мать вышла замуж за священника без гроша за душой, который витал в облаках, и они об этом как-то не подумали. У них никогда не было времени на то, чтобы думать хоть о чем-нибудь, потому что приход был слишком большой и слишком бедный. И они оба умерли, когда мне было пятнадцать, а меня забрал к себе дед и отправил в школу, где больше внимания уделяют манерам и совсем не беспокоятся о столь низменных вещах, как умение заработать на жизнь.

— Который из дедушек? — спросил Джереми другим тоном.

— Тот, который Тэвернер, отец моей матери, брат твоего деда, восьмой ребенок и шестой сын старого Джеремайя Тэвернера. Я знаю все семейство наизусть. Старшего звали Джеремайя в честь отца, дальше были Мэттью, Марк, Люк, Джон, Эктс

10 и две девочки, Мэри и Джоанна. Твоего деда звали Джон, а моего Эктс. И не встретиться мы с тобой полгода назад на скучнейшей вечеринке, мы бы и знать не знали о существовании друг друга.

Она придвинулась к нему, коснувшись плечом его руки.

— Знаешь, остальные шестеро, наверное, тоже оставили потомков, и я думаю, большинство из них точно видели это объявление и откликнулись на него. Мне так любопытно, какие они. А тебе?

— Крепкая, должно быть, у них вышла семейная ссора.

— Ну, не знаю... Бывает, что люди просто отдаляются...

— Не настолько. Мой дед часто говорил о своей близняшке Джоанне, но не думаю, что они когда-нибудь встречались. Знаешь, он был умный, получал стипендии и устроился на работу в одну из исследовательских лабораторий. Вот как получилось, что мой отец стал врачом. Он погиб в тысяча девятьсот восемнадцатом. Моя мать снова вышла замуж и уехала в Австралию, а меня оставила со стариком. Так что нас обоих вырастили деды. Ой, вон твой автобус!

Они припустили бегом и успели втиснуться в автобус, но продолжать разговор было невозможно. Джейн повезло, этот автобус делал остановку в конце улицы, на которой она жила. Когда они вышли, им оставалось лишь перейти дорогу и пройти примерно треть улицы Милтон-Кресент до дома № 20.

Джейн отперла дверь своим ключом и по трем лестничным пролетам повела Джереми наверх, в мансарду. Мансардных комнат было две, раньше

в них жили горничные, а еще там была кладовка и ванная. Джейн занимала обе комнаты и называла их «моя квартира». В задней комнате была гостиная. При включенном свете и задернутых шторах у Джейн всегда захватывало дух, потому что выглядела комната совершенно неожиданно. Там стояло старое бюро из ореха и два стула в стиле времен королевы Анны с сиденьями, обитыми китайской парчой. Над бюро висело оправленное в орех зеркало, увенчанное фигурой беркута. На полу лежал великолепный персидский ковер, на удобном диване высилась горка разноцветных подушек. Обладатель странного имени мистер Эктс Тэвернер начинал как поставщик подержанной мебели, а затем стал владельцем антикварной лавки, которая доставляла ему массу удовольствия, не принося при этом особого дохода. Стоявшую в комнате мебель Джейн удалось спасти от продажи с молотка.

— А теперь, — сказала она, отвернувшись от окна, — будь ангелом, поставь чайник. До смерти хочется чаю. А потом я покажу тебе, что я получила сегодня утром.

Джереми зажег газовую конфорку.

— Я знаю, что ты получила — ответ от абонентского ящика номер триста чего-то там, потому что я получил такой же. Я принес его, чтоб показать тебе.

Они сели рядом на диван, и каждый достал лист глянцевого белой бумаги. На обоих письмах сверху значилось «Абонентский ящик 3039». Одно письмо начиналось словами «Уважаемый сэр», другое — «Дорогая мисс». В письме, полученном Джейн, говорилось:

12 «Ваш ответ на объявление, приглашающее потомков умершего в 1888 году Джеремайи Тэвернера связаться с вышеуказанным абонентским ящиком, получен и содержание его принято к сведению. Будьте любезны сообщить мне дату смерти Вашего деда Эктса Тэвернера, укажите, ясно ли вы его помните и насколько близкими были ваши отношения».

Не считая разных имен, оба письма были одинаковы. Джейн и Джереми разглядывали их, нахмурившись.

— Не пойму, к чему он ведет, — наконец нарушил тишину Джереми.

— Может, он пишет историю семьи.

— Зачем?

— Не знаю. Некоторые ведь этим занимаются. Давай ответим, тогда, может, и узнаем.

Он нахмурился сильнее.

— Слушай, давай я напишу.

— Джереми, какое занудство!

— Я не хотел, чтобы ты отвечала на это объявление.

— Я знаю, ты уже говорил.

Джейн вскочила и начала доставать чайный сервиз: пузатый заварочный чайник в стиле королевы Анны, две чашки с блюдцами из вустерского фарфора (одна из них разбитая и снова склеенная), глянцевый темно-синий молочник и очаровательную чайницу, разрисованную пасторальными сценами.

— Чего же он хочет? — протянул Джереми.

— Собрать всю семью, дорогой, всех наших кузин и кузенов. Возможно, некоторые из них ока-

жутся приятными людьми. К тебе-то это не **13**
очень относится, мой милый.

Он подошел к ней и встал рядом с очень важным видом.

— Я думаю, тебе лучше этим не заниматься. Я напишу, если хочешь.

Джейн подняла глаза, в которых явственно читалось упрямство.

— Ты, наверное, не слышал, как я сказала: «Какое занудство!»

— Джейн...

— Ладно, скажу еще раз: занудство, занудство, занудство, тоска зеленая.

Она сделала шаг назад и притопнула ножкой.

— Ты ведь не хочешь, чтобы я вышла из себя?

— Не знаю...

Искорки в глазах вдруг спрятались за темными ресницами, бледное лицо слегка порозовело.

— Я слишком устала. — Затем вдруг изменившимся тоном Джейн добавила: — Ох, Джереми, не будь таким противным.

Глава 2

Худобой и внимательными ехидными глазами Джейкоб Тэвернер напоминал мартышку. Кожа его загорела и стала сухой после многочисленных смен климата. Волосы он не растерял, и благодаря то ли везению, то ли умелому обращению их почти не тронула седина. И он их не красил; ни один парикмахер не взял бы на себя ответственность за этот странный оттенок сухой травы. Рост в пять футов шесть дюймов стал меньше на дюйм. Руки и ноги

14 были тонкими и напоминали паучьи лапки.

Он носил одежду, в которой обычно хоронят бродяг или миллионеров. Он был не совсем миллионер, но шел к этому и сейчас как раз встретился со своим поверенным мистером Джоном Тейлором, чтобы сделать распоряжения касательно собственности. Не то чтобы он собирался умирать — вовсе нет; однако, сумев за свои семьдесят лет насладиться множеством разных вещей, теперь он намеревался позабавить себя еще одной возможностью, всегда казавшейся ему такой увлекательной: составить особое завещание.

Мистер Тейлор, знавший его уже сорок семь лет, был не настолько глуп, чтобы пытаться препятствовать этому последнему из многих других дел, которыми увлеченно занимался его клиент. Иногда он говорил: «Разумеется», иногда: «Я бы рекомендовал вам как следует это обдумать», а иногда и вовсе молчал. В таких случаях Джейкоб Тэвернер тихонько посмеивался, и ехидство в его глазах разгоралось ярче. Молчание подразумевало неодобрение, и когда Джон Тейлор не одобрял его, Джейкоб чувствовал, что одержал верх, потому что Джон Тейлор был воплощением респектабельности среднего класса; а когда появлялась возможность слегка шокировать эту респектабельность, Джейкоб всегда с наслаждением ею пользовался.

Они сидели за столом в кабинете друг напротив друга, Джон Тейлор писал. Он был приятной округлой комплекции, и все в нем было очень опрятным, включая блестящую лысину с небольшой аккуратной каймой седых волос на затылке.

Джейкоб Тэвернер откинулся в кресле, засунул большие пальцы в карманы жилета и рассмеялся.

— Вы знаете, что я получил пятьдесят ответов на мое объявление? Пятьдесят! — Он издал напоминающий карканье звук. — Как много в мире нечестных людей, верно?

— Возможно, у ответивших вовсе нет корыстных намерений...

Джейкоб Тэвернер надул щеки и внезапно фыркнул. Так он обозначил свое презрение к мнению поверенного.

— Тэвернер не такая уж распространенная фамилия, а если добавить к ней имя Джеремайя — представляете? «Потомки Джеремайи Тэвернера, умершего в 1888 году» — вот что я указал в объявлении. Я получил пятьдесят ответов, и половина из ответивших — обманщики.

— У него вполне могло быть пятьдесят потомков, — сказал мистер Джон Тейлор.

— Могло быть и сто, и двести, и триста, но среди них не было и половины из ответивших на объявление. У него было восемь детей, не считая четырех, умерших в младенчестве. Мой отец Джеремайя был старшим. Следующие пять сыновей — Мэттью, Марк, Люк, Джон и Эктс, и еще две девочки — Мэри и Джоанна. Мэри родилась четвертой, после Марка и перед Люком, а Джоанна и Джон были близнецами. Да, количество потомков могло быть большим. И знаете, именно поэтому мне впервые пришла в голову эта идея. Старый Джеремайя держал гостиницу «Огненное колесо» на прибрежной дороге к Ледлингтону, а до него хозяином был